

Проблема международного права

В мире, где между государствами разворачивается ожесточённая конкуренция, международное право должно служить гарантией порядка и мира. Однако разрыв между благородными принципами и жестокой реальностью борьбы за господство огромен.

Стефано ди Лоренцо

птн 17 июл 2026   12 мин. чтения

“Меня совершенно не волнует, что говорят юристы по международному праву. Мы всё равно надерём им задницы” — бывший президент США Джордж У. Буш, 11 сентября 2001 года.

«Соединённые Штаты никогда не признавали юрисдикцию мирового трибунала, который мог бы иметь приоритет над нашими судами и Конституцией». — Марко Рубио, государственный секретарь США, июль 2026 года.

13 июля госсекретарь США Марко Рубио начал кампанию по «ликвидации» Международного уголовного суда (МУС) — международного трибунала в Гааге (Нидерланды). В последние годы МУС подвергался критике со стороны различных кругов, однако инициатива США по ограничению полномочий суда, который они обвиняют во вмешательстве «в военные и правоохранительные операции США, ставящие под угрозу американский суверенитет», представляется беспрецедентной.

В обширной редакционной статье для «Уолл-стрит джорнал» Марко Рубио написал: «Вмешательство МУС в операции американских вооружённых сил и правоохранительных органов — это не только грубое превышение его якобы имеющихся полномочий. Это означало бы конец США как суверенного и независимого государства. Наши решения и наш народ окажутся во власти МУС и его союзников в международном сообществе. Признать МУС — значит сдать контроль над судьбой нашей страны». Резкие и апокалиптические слова со стороны госсекретаря США.

Недовольство США в отношении МУС — явление далеко не новое. По сути, США никогда не признавали МУС. В 2002 году США не присоединились к Римскому статуту, заложившему основу для создания МУС, поэтому с технической точки зрения МУС и так не имеет юрисдикции в отношении США. В прошлом году президент США Трамп ввёл санкции против МУС, обвинив его в том, что он «предпринял незаконные и безосновательные действия, направленные против Америки и нашего близкого союзника Израиля». Однако кампания США по ликвидации МУС во многих отношениях представляет собой необычайное явление.

Короткая поездка в Вестфалию

Когда сообщества объединяются, они принимают законы, чтобы установить нормы, урегулировать споры между отдельными гражданами и организациями, а также способствовать поддержанию общественного порядка и сплочённости. Хотя письменные законы не являются обязательным атрибутом цивилизации, не случайно первые своды письменных законов появились в Месопотамии около четырёх тысяч лет назад — в той цивилизации, которую обычно считают первой, а именно в цивилизации шумеров.

В то время как сообщества были вынуждены разрабатывать законы в качестве механизма регулирования различных аспектов жизни своих подданных, отношения между разными странами зачастую складывались в правовом вакууме. Страна принимает законы и обеспечивает их соблюдение, но договоры и соглашения между странами — это нечто гораздо более изменчивое, и зачастую неясно, кто может

обеспечить выполнение этих соглашений. Даже в рамках Европейского союза, созданного на основе идеи общего свода законов («Acquis communautaire»), спор о приоритете национального права над правом ЕС продолжается и вряд ли будет разрешён в ближайшее время.

Хотя государства и страны довольно рано начали заключать между собой договоры, пакты и союзы, то, что мы сегодня называем «международным правом», обычно считается возникшим только с заключением Вестфальского договора 1648 года, в конце Тридцатилетней войны. Если это выглядит как западная точка зрения, то это потому, что так и есть. Современный мировой порядок по-прежнему во многом является продуктом западной истории и развития права.

В результате Тридцатилетней войны погибло примерно 20 % населения Европы. В некоторых регионах Священной Римской империи Германии погибло от 50 % до 60 % населения. Эти ужасающие цифры означают, что, если сравнивать с численностью населения Европы того времени, Тридцатилетняя война привела к более высокому уровню смертности, чем Первая и Вторая мировые войны, да и чем любая другая война в европейской истории. Необходимость установления порядка, способного гарантировать стабильный мир, стала тогда более актуальной, чем когда-либо.

Вестфальский договор, хотя и не сумел обеспечить прочный мир между народами, по общему признанию закрепил приоритет принципа суверенитета — одного из ключевых понятий международного права. На протяжении веков на территории Священной Римской империи происходили конфликты между центральной властью императора и местными князьями. Вестфальский договор значительно ограничил власть императора, превратив местных князей в де-факто абсолютных монархов, чья власть не могла оспариваться в пределах их владений. Вестфальский договор должен был и в дальнейшем регулировать отношения между каждым из государств-окраин в составе Империи вплоть до распада Священной Римской империи в 1806 году.

Однако, хотя общины и государства с незапамятных времён принимали законы в целях обеспечения стабильности и выживания, а в более поздние времена — ради «общего блага», вопрос о заключении юридически обязывающих соглашений между независимыми государствами всегда оставался более сложным.

Закон для всего мира

Сегодня Организация Объединенных Наций является одним из наиболее наглядных проявлений международной системы. Созданная после Второй мировой войны как объединение суверенных государств с заявленной целью содействия миру и сотрудничеству, Организация Объединенных Наций представляет собой наиболее близкую к глобальному институту структуру, существующую в современном мире. Практически все страны мира, за очень редким исключением, являются членами Организации Объединенных Наций.

Тем не менее Организация Объединенных Наций, несмотря на свои провозглашенные благородные цели, также весьма ярко воплощает в себе некоторые из самых острых проблем в сфере международного права. Во-первых, хотя в мире насчитывается почти двести стран, Совет Безопасности ООН, который теоретически является единственным международным органом, определяющим законность войны и мира, состоит всего из 15 стран: 10 стран-членов, сменяющих друг друга по ротации, и пяти стран, вышедших из Второй мировой войны победителями: Соединенных Штатов, России (Советского Союза на момент основания ООН в 1945 году), Великобритания, Франция и Китай. Спустя 80 лет после окончания Второй мировой войны и несмотря на неоднократные призывы к реформе Совета Безопасности ООН, некоторые страны по-прежнему остаются более равными, чем другие. Это влечет за собой множество последствий.

Один из основных принципов современного понимания права заключается в том, что все субъекты равны перед законом. Однако некоторым людям иногда удаётся, благодаря связям, принадлежности к определённым институтам или деньгам, занять привилегированное положение перед лицом неукоснительной объективности закона. Институты могут предоставлять иммунитет, и даже если не учитывать возможность коррупции, деньги позволяют абсолютно законным образом нанять лучших юристов, лучших лоббистов, лучшие группы давления и тем самым повлиять на то, как осуществляется правоприменение.

В международных отношениях неравенство перед законом проявляется ещё ярче, чем в отношении отдельных людей. Когда в феврале 2022 года Россия вторглась на территорию Украины, она сослалась на право народов Донбасса на самоопределение и на обязанность защитить проживающее в этом регионе русское население от геноцида. Определение геноцида довольно широко, и для применения норм международного права необходимо экспертное заключение специальной комиссии, которая проанализировала бы конкретный случай. Однако аргументы России в пользу защиты населения от геноцида были категорически отвергнуты. Вместо этого на Россию обрушилось беспрецедентное количество санкций.

С другой стороны, когда в январе США напали на Венесуэлу и отстранили от власти местного президента Мадуро, никакой скоординированной волны осуждения не последовало. Когда 28 февраля этого года США и Израиль атаковали Иран, ООН приняла множество резолюций, однако никаких санкций против государств-агрессоров введено не было. Двойные стандарты здесь слишком очевидны. Западная пропаганда называет подобные аргументы «вотэбаутизмом» (от англ. *what about* — «а как же насчёт?») — по аналогии со старой привычкой советских руководителей и дипломатов в ответ на критику указывать на действия Запада: «А как же Куба?», «А как же Вьетнам?». Однако вотэбаутизм служит вполне определённой цели. По сути, он означает: «Вы ничем не лучше нас», «Вы сами не следуете собственным принципам», «Ваши поступки расходятся с вашими словами».

Санкции сами по себе не являются проблемой. Однако в отсутствие нейтральных и беспристрастных органов, способных применять санкции к государствам и субъектам, нарушающим общепринятые нормы, возникает вопрос об универсальности международного права. Право, которое не является универсальным, право, не распространяющееся на всех, не может считаться правом, основанным на принципе справедливости.

Идеалисты против реалистов — справедливость или власть?

Международное право представляет собой общий свод норм, которые, в теории, регулируют поведение государств по отношению к другим государствам. Однако тема международного права, его сущность и сфера применения являются предметом оживлённых дискуссий в среде экспертов по международным отношениям. Нормы — это необходимое и желательное явление, но в какой степени международное право действительно влияет на поведение государств, особенно могущественных? Насколько важно международное право?

Среди ученых, занимающихся международными отношениями, существует несколько научных школ. На данный момент двумя наиболее заметными из них являются школа либерального интернационализма и школа реализма. Школа реализма, вероятно, пережила свои лучшие времена. В годы холодной войны, когда мир был разделен на два крупных блока (и нейтральный «Третий мир», предшественник сегодняшнего «Глобального Юга»), школа реалистов, казалось, имела преимущество. Вполне реальная возможность конфронтации между двумя крайне враждебными блоками, обладающими ядерным оружием, вынуждала

ученых и политиков прибегать к холодному расчету и прагматизму. Генри Киссинджер, крупнейшая фигура в американской внешней политике в годы холодной войны, был воплощением реализма.

С точки зрения реалистической школы, частично вдохновленной взглядами английского философа эпохи Возрождения Томаса Гоббса (1588–1679), изложенными в его труде «Левиафан» (1651), общество и мир в целом представляют собой пространство непрекращающейся конкуренции («*homo homini lupus*» — «человек человеку волк»). Что касается отношений между государствами, это выражается в представлении о том, что мир в целом представляет собой пространство анархии. Это не означает, что в мире царит хаос; скорее, государства соревнуются в правовом вакууме, и, в отличие от ситуации внутри государства, здесь нет никого, кто мог бы обеспечить соблюдение законов. В этом смысле у государств появляется стимул к максимальному укреплению своей власти, защите своих интересов и навязыванию своей воли с помощью силы: иными словами, сила — это единственный фактор, который имеет значение. Международное право — это нечто приятное, но оно ни в коем случае не является определяющим фактором, лежащим в основе поведения могущественных государств. Государства, в особенности могущественные, действуют в целях защиты своих национальных интересов, и если в процессе этого нарушается международное право, то тем хуже для международного права. Последствия, с которыми может столкнуться могущественное государство за нарушение принципов международного права, будут незначительными, в то время как национальные интересы укрепляются.

Древний историк Фукидид лаконично сформулировал это в знаменитой речи афинян, обращенной к представителям небольшого острова Мелос: «Сильные делают то, что могут, а слабые терпят то, что вынуждены». Это обычно считается квинтэссенцией политического реализма. Следует отметить, что реалистическая школа не оправдывает подход «право сильного» в международных отношениях и международном праве. Реалистическая школа не носит нормативный характер, она просто описывает мир таким, каков он есть, без иллюзий. Она не выступает за циничную и аморальную реальную политику. Наиболее выдающимся представителем реалистической школы сегодня является профессор Чикагского университета Джон Мирсхаймер, который в последние годы приобрел огромную известность не только в академических кругах. Он подвергся [немалой критике](#) в ходе публичных дебатов за свою позицию по поводу войны на Украине, в которой [он последовательно обвинял Запад](#).

* * *

Либерально-интернационалистская школа международных отношений придерживается иного подхода, который одновременно является гораздо более «прогрессивным» и идеалистическим. Её духовным отцом можно считать немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804), в частности благодаря его трактату о вечном мире («Вечный мир: философский очерк», опубликованный в 1795 году) и его идее универсального категорического императива — морального ориентира, который каждый принимает и который применим ко всем. Политическая наука прошла долгий путь со времен Канта, но основные идеи, лежащие в основе либерального интернационализма, можно проследить именно до него и других философов эпохи Просвещения. Среди выдающихся современных ученых-либеральных интернационалистов можно назвать Джозефа С. Най-младшего, скончавшегося в прошлом году и считающегося отцом концепции «мягкой силы», а также Джона Икенберри, профессора Принстонского университета, среди работ которого такие книги, как «Либеральный Левиафан: истоки, кризис и трансформация американской системы» и «Мир, безопасный для демократии: либеральный интернационализм и кризисы глобального порядка».

Теоретически принципы либерального интернационализма кажутся гуманистическими и неприкосновенными. Но, как всегда, дьявол кроется в деталях. Во-первых, США традиционно были одним из главных сторонников «либерального интернационализма», по крайней мере со времён Вудро Вильсона, который до того, как стать президентом в 1912 году, был профессором Принстона и учёным. В 1916 году Уилсон вел предвыборную кампанию за переизбрание, приписывая себе заслугу в том, что ему удалось удержать США от участия в Первой мировой войне в Европе. Однако спустя всего несколько месяцев после начала своего второго срока, после скандала с [телеграммой Циммермана](#), он объявил, что «мир должен стать безопасным для демократии».

С тех пор «продвижение демократии» стало одним из самых мощных инструментов в арсенале внешней политики США. Глубоко иронично, что США — страна, которая настаивает на своем праве на суверенитет и отвергает любое вмешательство в свои правовые дела, — претендует на право изменять внутреннюю политическую организацию других стран, опираясь на универсальность таких принципов, как демократия и свобода. Для критиков «либеральный интернационализм» становится всего лишь ещё одним инструментом власти, причём весьма лицемерным.

Пустота международного права

Международное право — одно из самых выдающихся достижений человеческой цивилизации. Однако на практике оно редко оказывается эффективным. Международное право не смогло предотвратить вторжение США в Ирак в 2003 году — одно из крупнейших преступлений этого столетия, — ни бомбардировки Ливии в 2011 году, ни войн, развязанных США и Израилем против Ирана в 2025 и 2026 годах. Несмотря на широкое осуждение действий США и Израиля, это не привело к введению санкций против этих стран. На Западе люди, возможно, считают такое положение дел «нормальным». Но остальной мир не может не замечать этих противоречий и принимает их во внимание. США контролируют мировую финансовую систему: кто мог бы ввести санкции против США и убедить большое количество других стран присоединиться к ним?

Несмотря на многочисленные разногласия, ЕС по-прежнему рассматривает США в качестве своего главного союзника и не стремится к стратегической независимости от них. Напротив, он был глубоко задет, когда США дали понять, что, возможно, больше не заинтересованы в ЕС: ЕС почувствовал себя скорее брошенным супругом, чем субъектом, стремящимся к подлинной автономии, основанной на универсальных принципах справедливости и верховенства права.

В своей статье в WSJ, посвящённой Международному уголовному суду, Марко Рубио пишет: «Возможно, более вежливые и покладистые страны могли бы смириться с такой ситуацией. Но это Америка. Наши предки вели революцию против иностранной державы, которая «вывозила нас за море, чтобы судить за мнимые преступления». Независимость — это наше неотъемлемое право. Мы не намерены обменивать её на власть самопровозглашённого священничества международного права».

У МУС, возможно, есть свои недостатки. Однако нынешняя атака США на эту организацию в очередной раз демонстрирует, что, хотя США очень болезненно реагируют на любую критику своих действий, они не желают нести за них какие-либо последствия. Двойные стандарты здесь очевидны: США мало заботятся о тех универсальных принципах, которые они якобы продвигают.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ   Буш, Джордж У.   Рубио, Марко   Россия   США

Международный уголовный суд (МУС)